

АКАДЕМИЯ НАУК ТАТАРСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ТАТАРСТАН ФЭННЭР АКАДЕМИЯСЕ
ТАРИХ ИНСТИТУТЫ

**ШИГАБУТДИН МАРДЖАНИ:
НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
**ШИЪАБЕТДИН МӘРЖАНИ:
МИРАСЫ ЫӘМ ХӘЗЕРГЕ ЗАМАН**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ХАЛЫКАРА ФЭННИ КОНФЕРЕНЦИЯ
МАТЕРИАЛЛАРЫ

Казань
2008

С.М. Прозоров (Санкт-Петербург)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ПЕРЕВОДУ КОРАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

В истории отечественного исламоведения сформировались две принципиально разные точки зрения в отношении самой возможности адекватного перевода Корана на русский язык. Научное исламоведение изначально исходило и исходит не только из возможности, но и из необходимости таких переводов. Расхождения в этом вопросе касались главным образом принципов перевода. Этой же позиции придерживались и мусульманские богословы, ощущавшие практическую потребность в русскоязычных переводах Священного для мусульман писания. Различие между этими двумя

категориями ученых определяется разными методологическими подходами к изучению ислама в целом, в том числе и к переводу Корана.

В последнее время получила распространение другая точка зрения, сторонники которой, исходя из принципиальной невозможности перевода Божественного Слова на язык другой культуры, подменяют перевод передачей «смыслов» Корана, постигаемых путем внутреннего ощущения, внутреннего согласия. Этот принцип, в частности, положен в основу литературной обработки Корана В.Пороховой. Но в отличие от поэтического перевода профессионального арабиста Т.А. Шумовского, литературная обработка Корана принявшей ислам В.Пороховой сделана не с языка оригинала. Более того, в ней откровенная идеализация ислама выражена в образах и понятиях православно-христианской культуры, что размывает специфику этой религии и перекликается с мнением западно-европейских востоковедов XIX в., считавших ислам «периферийным вариантом иудео-христианских представлений».

При передаче «смыслов» Корана в высшей степени проявляется субъективное восприятие его содержания, зависящее от культурно-языковой среды автора, уровня его образованности, психологического склада и других факторов. Более того, авторы таких «переводов» неизбежно следуют заданному алгоритму, системе координат внутри ислама, обусловленным знаниями, полученными от своих учителей и духовных наставников соответствующих богословско-правовых школ. Естественно, что такие «переложения» не могут дать объективного представления о Священном писании мусульман и служить основой для построения научных теорий.

В научном исламоведении и в мусульманском богословии давно сложилась практика при переводе Корана использовать комментарии предшествующих мусульманских экзегетов. Однако тенденциозность мусульманских экзегетических традиций, обусловленная предвзятостью в выборе религиозных авторитетов соответствующих теологических школ, как правило, ведет к абсолютизации их мнения в толковании Корана. В свою очередь, переводы Корана, опирающиеся на эти традиции, отражают его понимание в конкретный исторический период, в конкретной культурно-языковой среде. Так, профессиональный перевод Корана, подготовленный (1871 г.) Д.Н. Богуславским, выполнен с опорой на поздне-османскую экзегетическую традицию, а современный перевод ираниста М.-Н. Османова — на персоязычную.

Наиболее объективным представляется контекстный подход к переводу Корана с использованием лексики доисламской и раннеисламской арабской поэзии. Контекстный подход применил И.Ю. Крачковский в работе со студентами над переводом Корана, серию блестящих статей по терминологии Корана подготовила его последовательница К.С. Кашталева. На Западе этот подход успешно использовали Р.Бляшер и Р.Парет, опубликовавшие переводы Корана, соответственно, на французском и немецком языках.

Некоторые сторонники передачи «смыслов» Корана аргументируют невозможность его адекватного перевода также ссылкой на «несимметричность» грамматического строя арабского и русского языков, многопадежность в русском языке и т.п., а в качестве подтверждения этого тезиса они приводят примеры буквального перевода отдельных слов и выражений и направляют свою критику против «буквализма», некорректно отождествляя принцип контекстного подхода к переводу Корана с «буквализмом».

В последние два десятилетия в России издано много переводов сочинений мусульманских авторов, содержащих, как правило, многочисленные цитаты из Корана, и комментированные переводы всего Корана, подготовленные последователями ислама, не знакомыми с переводческими традициями российской арабистики и научного исламоведения. В основе идеологической позиции авторов таких переводов и комментариев лежит идеализация ислама, идея его превосходства как самой совершенной и универсальной религии и пропаганда его духовных ценностей. Ислам предстает перед читателями как исконная авраамическая религия, как истинное, изначальное единобожие (*ханифство*). Эти задачи мусульманские авторы решают не только путем внесения в коранический текст дополнений в виде соответствующих определений («Священный Коран» вместо «Коран», «истинное единобожие» вместо «единобожие», «истинная вера» вместо «вера», «истинно верующий» вместо «верующий», «правоверный мусульманин» вместо «мусульманин» и т.д.), словосочетаний, целых фраз, но и путем недопустимой подмены текста Корана его расширенным толкованием.

В результате такого вмешательства стирается грань между сакральным текстом «Священного Писания» и его целенаправленной интерпретацией, которая на протяжении веков менялась в зависимости от объективных и субъективных факторов. В мусульманской экзегетике находили отражение новые реалии мусульманского мира, историко-культурные традиции мусульманских народов,

региональная специфика, приверженность авторов разным богословско-правовым школам и течениям ислама и т.д.

Чрезвычайно важно при этом учитывать, что переводы Корана на русский язык востребованы не только в среде русскоязычных мусульман, утративших традиции чтения и понимания сакрального текста Корана в оригинале, но и в образованных кругах значительной части российского общества (ученые-гуманитарии, преподаватели, студенты, журналисты, чиновники и т.д.), не исповедующих ислам, но интересующихся историей и культурой мусульманских народов и желающих составить собственное представление об этом на основе оригинального материала главного источника вероучения, права, этики ислама. Естественно, что идеализация ислама как самой совершенной религии и фактическое противопоставление его другим религиям не способствуют сложению позитивного образа последователей ислама в не-мусульманской среде и созданию атмосферы толерантности в российском обществе. Конфронтационная позиция проповедников ислама (выражения вроде «враги ислама», «злопыхатели ислама» и т.п.), их претензии на «избранность» и превосходство над последователями других религий порождают в российском обществе тенденцию к отчужденности и разобщенности, провоцируют межэтническую и межконфессиональную напряженность.

Отсюда напрашивается логический вывод: представители российского научного (академического) исламоведения и ученые-приверженцы ислама должны исходить из интересов российского общества в целом, заключающихся в необходимости получения непредвзятой информации об исламе и духовных ценностях его последователей, что способствовало бы комфортному сосуществованию россиян независимо от их вероисповедания и образа жизни.